

О, дивный мрачный мир! Фотоискусство Натальи Дрепиной

В прошлом месяце в проекте «Облака» прошла выставка «Изломы психики» талантливого липецкого фотографа Натальи Дрепиной. Выставка была приурочена к Хэллуину, что совсем не случайно. Фотографии Натальи — это особый мрачный мир. В нём вы не найдёте смеющихся лиц и солнечных зайчиков. Её фотографии наполнены мрачной эстетикой, красивыми холодными девушками и тельцами мёртвых птиц. Наталья отважно заглядывает в глубины человеческой психики, в самые её больные места, и всё, что она там находит, отражается в её работах. Чем так влечёт девушку мрачная сторона мира и почему в её фотографиях так много смерти? Об этом и о многом другом мы решили лично поговорить с автором.

— Как давно ты стала заниматься фотографией и почему ты решила заниматься именно фото?

— Более-менее серьёзно я стала заниматься фотографией приблизительно с 2009 года. Я себя пробовала в различных направлениях искусства: в музыке, в рисовании, в поэзии. Фотография — это лишь один из способов выражения, которого мне не хватало. Не всегда словом можно всё выразить. И со временем так получилось, что это стало одним из главных моих занятий.

— В своих работах, в том числе и в арт-ню, ты, как правило, предпочитаешь снимать девушек. Почему женская натура тебе более интересна, чем мужская?

— Мужское ню для меня абсолютно не привлекательно. Женское тело более изящно, пластично. Через него можно выразить самые различные изгибы эмоций. Это не только физическая красота, но и эмоциональное состояние. Девушки, как правило, больше подвержены рефлексии, глубже чувствуют какие-то настроения. Я периодически снимаю love-story, где мне позируют пары. И мне ни разу ещё не попадались парни, которые могли бы полностью раскрыться. Они обычно очень зажаты в выражении своих эмоций.

— Тебе не кажется, что женщины более метафизичны?

— Да, я согласна с этим утверждением. Женщины более пластичны в психологическом плане. Поэтому они лучше вживаются в роль. И ещё они чаще готовы к различным экспериментам. Хочется ведь чего-то неординарного, безумных идей! Конечно, не все девушки на них соглашаются, но они всё же более открыты для всего необычного.

— Герои твоих работ находятся вне материального мира, где-то за гранью?

— Отчасти да, хотя некоторая приземлённость в них всё же есть. В разных работах по-разному. В некоторых фотографиях упор идёт исключительно на земные, физические проявления. Здесь основной задачей является показать архитектуру тела. В других же работах важнее отразить состояние души героя, психологизм.

— Твои героини обычно худые, бледные, даже болезненные. Чем тебя привлекает такой образ?

— Это мои личные пристрастия, мой фетиш.

— Являются ли твои героини в силу своей инаковости изгоями, людьми вне общества?

— В них присутствует некая странность, отчуждённость. В некоторых моих фотографиях эта отчуждённость особенно подчёркивается. Но не всегда болезненность — показатель изолированности. Возможно, пристрастия к таким образам — это и моё личное желание отгородиться. Я вообще не особо социальный человек. У меня есть определённый круг общения, есть мои музы, с которыми у меня совпадают творческие интересы. Посредством подобных образов я строю своеобразную стену — далеко не каждому хочется стать героем такой истории. Это «отпугиватель» для неблизких мне по духу людей.

— Один из ведущих мотивов твоих фотографий — одиночество. Как ты считаешь, одиночество — это норма или патология, от которой следует избавляться?

— Здесь каждый решает для себя. Для некоторых одиночество — гнетущее состояние, а для кого-то это состояние комфорта. Моё одиночество — это точка для саморазвития. Только наедине с собой можно глубже познать себя, что-то переосмыслить. Интересные идеи всегда приходят в момент одиночества.

— Твои герои гармоничны в своём одиночестве?

— На моих героев одиночество не давит, для них оно комфортно.

— Куда стремятся твои герои?

— В основном моя тема — самопознание, способность человека почувствовать себя изнутри. Они стремятся внутрь себя, пытаются осознать собственные эмоции, переживания.

— То есть, это больше психология, нежели духовность?

— Духовность тоже направляет в себя. Если у человека нет внутреннего стержня, то и о духовности речи быть не может.

— Ты почти не снимаешь в закрытых помещениях. Как организовано пространство в твоих работах?

— Я люблю снимать на природе больше, чем в помещениях. Возможно, это потому, что деревья — еще одна моя страсть. Они дополняют человека. Дерево одновременно тянется

вверх, развивается и в то же время корнями плотно сидит в земле. Состояние гармонии между двух сфер. Ещё деревья долговечны, развиваются постепенно, так и человек медленно идет по пути познания себя. Дерево воплощает знание, мысль. Поэтому на моих работах можно встретить ветви на обнаженном теле героев, в волосах, в руках. Ветви деревьев вообще у меня ассоциируются с человеческими руками. А в целом природа подчёркивает состояние одиночества. Но при этом одиночество никак не отнимает у моих героев свободы, поэтому пространства открыты. Не то, чтобы мои герои абсолютно свободны, но они точно свободнее тех, кто заперт в толпе.

— Часто на твоих фотографиях ветки перечеркивают человека, будто разрывают его на части. Ты специально добиваешься такого эффекта?

— Нет, это лишь мнение. Я хочу показать единение человека с деревом. Поэтому я не люблю трактовать сама свои фотографии, а оставляю это право тому, кто их смотрит. У каждого своё восприятие.

— Ты любишь использовать для съёмок старинные вещи, одежду. Чем они тебя привлекают?

— Да, я люблю старые вещи, особенно старинное кружево. Если человек не оставил после себя чего-то материального, то он исчезает бесследно. Через некоторое время образ стирается, забывается, и кажется, как будто этого человека вообще и не было. А старые вещи таят воспоминания.

— Время в твоих работах направлено в прошлое?

— Нет, время в моих фотографиях замерло. Это своеобразная временная петля. Мои фотоистории — это застывшие моменты. Среди моих работ почти невозможно встретить динамику. В основном это статичность, застывшее положение. Время остановилось где-то в прошлом. Это может быть какой-то переломный момент в жизни, оставивший глубокий отпечаток или 18 — 19 век.

— Почему именно там?

— Сложно сказать. Просто слепая тяга к той эпохе.

— Тебе чего-то не хватает в современности?

— Наверное, мне не хватает искусства. Не потому что его нет. Оно есть, но оно не дотягивает по качеству, уровню. К примеру, сейчас всё очень печально обстоит с поэзией. Мои фотографии всегда очень тесно связаны с ней. Многие мои работы являются визуальным воплощением стихотворения. Часто это Лорка, потому что его произведения очень образны. В 18 — 19 веках поэзия была на высоком уровне. Возможно, дело в этом.

— А что ты думаешь по поводу современного фотоискусства?

— Сейчас очень мало людей, которые делают что-то стоящее. Для меня большинство фотографий просто неинтересны. Они могут быть хороши в техническом плане, в плане обработки, но идейности в них нет. Из современных фотографов мне нравится творчество Лауры Макабреску. У неё действительно глубокие фотографии. Они очень близки мне по настроению. А в остальном мне редко попадается что-то действительно интересное, цепляющее. Хорошо, красиво, но абсолютно чуждо мне, безыдейно.

— Как ты думаешь, отчего это происходит?

— Может быть, потому что искусство стало насквозь коммерческим. А также из-за упадка вкусов. Когда я росла, было только телевидение, и черпать информацию было практически неоткуда. Сейчас есть Интернет с безграничным информационным пространством, но люди еще не все научились делать выбор.

— Кто повлиял на твоё творчество и твоё мировоззрение в целом?

— Сложно выделить кого-то конкретного. Таких людей было очень много: от художников до музыкантов. Изначально меня вдохновили фотоработы Константина Александрова. Именно они привили мне любовь к арт-ню. Часто так называемое арт-ню не совсем воплощает часть «арт». В большинстве своём фото в стиле ню безыдейные, пошлые, а его фотографии всегда наполнены смыслом. Он снимает обнажённые портреты, в них чувствуется уязвимость. Он умеет видеть героя и скорее даже не воплощает свои мысли, а именно отражает внутренний мир героинь.

В музыке меня особенно вдохновляет творчество Subheim. Они вводят меня в особый транс. Образы моих фотографий часто рождались именно под эту музыку. Еще очень люблю Баха, Бетховена, Генделя, а также Depressive Black Metal. Из художников, конечно, Дали. Его картины вдохновляют меня на сюрреалистические эксперименты. Хотя мой сюрреализм несколько другой.

В литературе неиссякаемым источником вдохновения для меня является Федерико Гарсия Лорка. Ещё я люблю читать писателей-самоубийц. Мы как-то делали видео-арт на предсмертное стихотворение Чезаре Павезе «Verr? la morte e avr? i tuoi occhi» (в переводе: «Придет смерть и у нее будут твои глаза»). Павезе написал это стихотворение незадолго до смерти и посвятил своей возлюбленной. У меня смерть всегда ассоциировалась с бабочками. Это не удивительно, потому что в восточной культуре бабочки являются символом души умершего человека. В моём видео как раз присутствуют тропические бабочки и героиня сознает предчувствует смерть, принесенную ими на крыльях.

Мне очень близка Ахматова, Блок. А вот Цветаеву я не совсем люблю.

Ещё меня очень впечатлили книги Оливера Сакса. Он практикующий нейропсихолог, который отражает в книгах истории из своей практики. Особенно хочется отметить книгу «Человек, который принял свою жену за шляпу». При чтении этой книги у меня родилось много образов. Человеческий мозг таит в себе очень много неизведанного. Те же галлюцинации, к примеру. Но я воспринимаю галлюцинации исключительно в рамках психических отклонений. Я сама закончила факультет педагогики и психологии, и во время обучения много времени посвятила исследованиям шизофрении, написала две исследовательские работы на эту тему, хотя это была не совсем моя специализация. Так вот все исследования свелись к тому, что в большинстве случаев галлюцинации отражают переживания человека, его отношение к самому себе, а не навязаны извне, сверху. Галлюцинации — это исключительно внутренняя боль, переживания, которые иногда могут быть отражением внешних событий. Психические заболевания всегда были мне интересны, эта тема сквозит в моих фотографиях.

— Почему ты стала изучать психологию?

— Мне это всегда было интересно. Наверное, это форма познания себя и мира. К примеру, шизофрения — это же не совсем заболевание. Конечно, есть сопряженные симптомы, но течение болезни всегда разное. Шизофрения — это скорее отражение какого-то иного своеобразного внутреннего мира человека, с которым сам человек не справляется. Шизофрения — это изменённое сознание. Как раз изменённое сознание мне всегда и было интересно. Но я совсем не поддерживаю искусственное изменение сознания при помощи психотропных веществ и т.д. Я всегда была против этого.

— Как ты считаешь, шизофреники — это избранные люди?

— Нет, волей случая они стали такими. Люди с психическими отклонениями — это такие же люди, но с другим мировоззрением. Зачастую они очень интересны. Я проводила исследование в ВУЗе и читала много литературы по этой теме, изучала рисунки шизофреников. Их работы всегда очень ярко отражают их состояние, даже у людей, которые совсем не умеют рисовать. Их работы отражают не мир вокруг них, а мир через них. Мне кажется, творчество вообще очень связано с различными психическими отклонениями. Не знаю, почему. Может быть, всё дело в работе мозга и отделах отвечающих за творчество.

— Какое место в твоих работах занимает смерть?

— Смерть практически всецело поглощает мои работы. Совершенно живых на моих фотографиях нет. Всё привязано к смерти изнутри или снаружи: и люди, и животные. Мои герои — люди, которые несут смерть в себе. В человеке, который хотя бы раз сумел

прочувствовать смерть, она остаётся навсегда. Потом она никуда уже не девается. Такие люди уже не боятся смерти физической.

— Чем тебе интересно такое состояние?

— Так ярче воспринимается сама жизнь, её оттенки. Жизнь в целом проходит незаметно, а если суметь прочувствовать в себе состояние смерти, то жизнь становится более ярким пятном.

Вообще, смерть таит в себе очень много вдохновения. Она не раз была основой для различных произведений. Может быть, потому что она несёт в себе негативный оттенок, а негатив всегда толкает к творчеству больше, чем позитив. Когда всё хорошо, то и выражать ничего не хочется. Ты просто наслаждаешься моментом и всё. А отрицательные эмоции толкают на творчество, заставляют пропускать эти ощущения через себя.

— Как ты считаешь, смерть — это освобождение?

— Смерть — толчок к познанию себя и осознанию своей внутренней сущности. В основном все близкие мне люди — это как раз те, кто пронесли смерть в себе. Они не раз задумывались о смерти, как абстрактно, так и конкретно. Это путешествие в себя. А ещё смерть тесно связана со снами. Сны — это то, что рождается внутри твоего подсознания. А смерть — это затяжной сон.

— Если бы ты должна была придать смерти человеческий облик, как бы она выглядела?

— Моя смерть — это всегда разные образы. Если изображать её как человека, то это была бы болезненная, худая, бледная девушка с чёрными волосами до земли, с темными большими глазами. У меня вообще тяга к большим глазам. На моих рисунках они всегда занимают треть лица. Смерть была бы окружена деревьями, а одета во что-то старинное, в ветхое кружево.

— Ты боишься старости?

— Я себя не вижу в этом состоянии. Это не моё, это в другой жизни. Я, возможно, застряла в одном времени. В один момент, когда я вышла из состояния детства, у меня резко поменялось видение мира, видение себя, и в этом состоянии я до сих пор живу.

— Ты считаешь, что старость — это ограниченное существование?

— Нет, это просто совсем другая форма существования. И вот в этой форме я себя не вижу. Когда у меня произошёл перелом, переход из детского состояния в нынешнее, я стала практически забывать детство. У меня как будто началась другая жизнь. И старость — это тоже, на мой взгляд, другая жизнь. Мне кажется, существует три формы жизни: детство, сознательная жизнь и старость. Одну я прожила, вторая у меня сейчас, а третья — не моя. И смерть для каждого периода разная.

— В твоих работах чётко прослеживается мотив боли, саморазрушения. Чем тебя привлекает эта тема?

— Человек стремится к саморазрушению всегда, просто у каждого оно своё: кто-то разрушает себя алкоголем или наркотиками, кто-то психически, самодеструкцией, самобичеванием или чем-то ещё. Я считаю, что вне боли невозможно существование человека. Когда чувствуешь себя особенно мёртвым, боль помогает вернуться к реальности, помогает почувствовать, что ты ещё жив.

— На твоих фотографиях часто присутствуют животные, птицы, обычно мёртвые. Какую мысль они выражают?

— Вообще я животных очень люблю и всячески им помогаю. Ни одно животное или насекомое не пострадало на съемках.

У меня куча кошек. Но они больше связаны с жизнью, а птицы со смертью. Птицы и деревья у меня слиты в единый неразрывный образ и являются символом чего-то за гранью, извне. В моих работах часто присутствуют мёртвые птицы или люди, которые изображают раненых птиц. Это символ лишения свободы, молчания, отсутствия голоса, когда ты зажат в рамках стереотипов.

— У тебя есть серия, где ты снимала девушку с совой.

— Это было чучело. Совершенно случайное мы нашли человека, согласившегося нам

одолжить его. Я люблю сов. Они символизируют одиночество. Все птицы днём поют, летают, а сова живёт ночью, когда весь мир покрыт мраком и она находится среди этого одна. Эта серия у меня и называется «Одиночество». И эпиграфом к ней неслучайно выбраны строки Лорки:

Погруженное в мысли свои неизменно, одиночество реет над камнем смертью, заботой, где, свободный и пленный, застыл в белизне полета раненный холодом свет, напевающий что-то.

— Некоторые считают, что ты застыла в своём творчестве в одной теме. Как ты относишься к такой критике?

— Я считаю, у каждого творческого человека существует определённая тема, контекст. Мне кажется, это как раз таки и есть нахождение себя, самореализация. Зачем я буду пытаться рассказывать о чём-то, что мне не близко? Когда материал не прочувствован — ничего хорошего из этого не выйдет. Я работаю в рамках своих мыслей, своего направления и не

вижу смысла снимать то, что мне неинтересно. Для меня фотография — это искусство, которое должно приносить удовлетворение в первую очередь мне и людям, которые со мной работают. Я не стремлюсь к широкой публике, к знаменитости. Для меня важно уже то, что кому-то близко, что я делаю.

— Недавно прошла твоя выставка в «Облаках». Какие впечатления?

— Это был для меня определённо новый уровень, потому что персональных выставок у меня до этого не было. Она вообще получилась спонтанно. Мы не планировали её заранее, просто администрация «Облаков» совершенно неожиданно предложила выставить мои работы к Хэллоуину. Но меня приятно удивило, что народ приходил смотреть. Мне писали даже незнакомые люди, рассказывали, что им понравилось.

— Планируются ли ещё какие-то выставки твоих работ?

— Да, планируем совместный проект нескольких фотографов. Там будут представлены портреты, где эмоции выражены через руки.

Еще меня пригласили участвовать в московской выставке, там будет 2-3 художника. Но пока она в стадии зарождения. Посмотрим, что из этого получится.

— У тебя довольно мрачное, неоднозначное творчество. Оно может негативно на кого-то повлиять, особенно если человек находится в периоде слома. Как ты считаешь, должен ли творец нести ответственность за свои произведения?

— Я не думаю, что моё творчество может повлиять негативно. У меня тоже был период слома, и как раз мрачное искусство помогло мне. Мне кажется, если человек дошёл сам до грани, то здесь уже произведения искусства не играют роли и никуда подтолкнуть человека не могут.

Ответственность, конечно, есть в любом случае. Но, мне кажется, кто как воспримет произведение — это дело не автора. Например, в одних работах я пытаюсь выразить одно, а люди видят абсолютно другое, чего там даже и не было никогда. В одной из моих последних работ, в серии с совой, на одном сайте усмотрели наркоманскую тематику, будто героиня фото находится под психотропными препаратами и ей видится сова. Хотя подобных мотивов у меня никогда не было и не будет. Я не хочу и не вижу смысла подписывать и трактовать каждую работу. У зрителя должно быть пространство для творческого мышления. И тут я не

могу предугадать, что он там увидит и как это на него повлияет. Ответственность творца заключается в качестве предоставляемого материала, высоком техническом уровне и глубине наполнения.

Фотографии Натальи Дрепиной.